

Цѣна еъ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 56
1907.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Противъ непосещающихъ храмовъ Божіихъ.— Собственность по христіанскому ученію. (Противъ социалистовъ).— Сила Божія и немощь человѣческая. Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса*.— Провидецъ. *Н. С.* Вологодская летопись. Торжества въ Вологдѣ.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО**.

ПРОТИВЪ НЕПОСЪЩАЮЩИХЪ ХРАМОВЪ БОЖИИХЪ.

то это? Чѣмъ далѣе у насъ простираются праздни-ки, тѣмъ малочисленнѣе дѣлаются церковныя собранія. Но не будемъ нерадивыми мы присутствующіе; собранія дѣлаются меньшими по количеству, но не меньшими по усердію, меньшими по числу, но не меньшими по расположенію. Они дѣлаются меньшими, *да искуснѣи явлени бывають въ васъ* (1 Кор. XI, 19) для того, чтобы мы узнали кто приходитъ въ годовой праздникъ по привычкѣ, кто по расположенію къ божественнымъ изреченіямъ, кто по желанію слушать о духовныхъ предметахъ. Въ предъидушій воскресный день весь городъ былъ здѣсь, ограды были наполнены, народъ уподоблялся волнамъ приливавшимъ и отливавшимъ; но для меня ваша тишина вожделеннѣе тѣхъ волнъ, для меня ваше спокойствіе достопочтеннѣе того шума и смятенія. Тогда можно было считать присутствовавшія тѣла, а теперь—души, исполненныя благочестія. Если бы это собраніе, малочисленное и состоящее больше изъ бѣдныхъ, и то собраніе, многочисленное и составленное больше изъ богатыхъ, — если бы оба эти собранія кто-нибудь захотѣлъ положить на вѣсы для взвѣшиванія, то нашелъ бы, что первое имѣетъ перевѣсъ. Вы меньше по количеству, но достопочтеннѣе по усердію. Такъ бываетъ и съ взвѣшиваемыми вещами: если бы кто, взявъ десять золотыхъ статировъ, положилъ ихъ на одну чашку вѣсовъ, а на другую чашку сто мѣдныхъ монетъ то сто мѣдныхъ монетъ перетянули бы вѣсы на свою сторону: но десять золотыхъ по превосходнѣйшему свойству своему имѣютъ перевѣсъ надъ ними, какъ важнѣйшіе и драгоцѣннѣйшіе по существу своему. Такъ немногіе по числу бываютъ драгоцѣннѣе и полезнѣе многихъ. Но что я представляю вамъ примѣры отъ обыкновенныхъ предметовъ, когда нужно привести изреченіе Божіе, свидѣтельствующее объ этомъ? Что же говорится въ немъ? *Лучше единъ праведникъ, творящій волю Господню, нежели тысяща грѣшникъ* (Сирах. XVI, 3). Бываетъ, подлинно часто бываетъ одинъ человѣкъ равноцѣненъ тысячамъ. И что я говорю:

одинъ челоѣкъ бываетъ равноцѣненъ тысячамъ? Бываетъ важнѣе и достопочтеннѣе и самой вселенной. Свидѣтельство на это я представлю изъ словъ Павла. Упомянувъ о людяхъ бѣдныхъ, гонимыхъ, оскорбляемыхъ, угнетаемыхъ, онъ говоритъ такъ: *придоша въ милотехъ, въ козихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, ихъ же не бѣ достоинъ мѣръ* (Евр. XI, 37, 38). Что говоришь ты? Ужели мѣръ не стоитъ ихъ, терпѣвшихъ лишенія и озлобленія и не имѣвшихъ отечества? Развѣ ты не видишь, сколь немногихъ ты противопоставляешь столь многимъ? Вижу, говоритъ, потому и сказалъ я, что мѣръ не бѣ достоинъ ихъ. Я хорошо знаю свойства этихъ монетъ. Поставивъ землю и море, царей и правителей, и вообще весь родъ челоѣческой, и противопоставивъ имъ двухъ или трехъ бѣдныхъ, я смѣло могу сказать, что эти бѣдные вѣсятъ больше. Они были изгоняемы изъ отечества, но имѣли отечествомъ горній Иерусалимъ, они проводили жизнь въ бѣдности, но были богаты благочестіемъ; они были ненавистны людямъ, но любезны Богу. Кто же это были? Илія, Елисей и всѣ подобные имъ. Не смотри на то, что они нуждались въ необходимой пищѣ, но на то, что уста Иліи заключили и отверзли небо, а милоть его обратила назадъ Иорданъ.

Представляя это, я и радуюсь и скорблю: радуюсь о васъ присутствующихъ, а скорблю о тѣхъ неприсутствующихъ; очень скорблю, печалюсь и сокрушаюсь сердцемъ. И кто изъ людей самыхъ нечувствительныхъ не станетъ скорбѣть, видя, что дѣла діавола удостоиваются большей ревности? Между тѣмъ, если бы они удостоивались равной ревности (съ дѣлами благочестія), и тогда не было бы намъ никакого прощенія, никакого оправданія; а когда они удостоиваются гораздо большей, то какое остается намъ оправданіе? На зрѣлища приглашаютъ каждый день, и никто не лѣнится, никто не отказывается, никто не ссылается на множество занятій; но, какъ готовые и свободные отъ всякой заботы, бѣгутъ всѣ; ни старецъ не стыдится своей сѣдины, ни юноша не боится своей природной похоти, ни богатый не опасается унижить свое достоинство. А когда нужно идти въ церковь, тогда, какъ

бы нисходя съ какой-либо высокой степени и унижая свое достоинство, онъ медлитъ и идетъ лѣнливо и потомъ надмеваеся, какъ будто онъ сдѣлалъ какое-нибудь одолженіе Богу; въ театрѣ же, гдѣ онъ видитъ и слышитъ развратное, спѣшитъ, не думая унижить ни себя, ни свое богатство, ни благородство. Желалъ бы я знать, гдѣ теперь тѣ, которые въ тотъ день безпокоили насъ,—потому что присутствіе ихъ было причиною безпокойства; желалъ бы знать, что они дѣлають, какое дѣло, болѣе необходимое, чѣмъ занимающее теперь насъ, заняло ихъ. Но никакого у нихъ нѣтъ занятія, а одно только тщеславіе. Что же можетъ быть безумнѣе этого? Для чего ты, человекъ, высокоумдрствуешь и думаешь, что дѣлаешь намъ одолженіе, если, пришедши сюда, бываешь внимательнымъ и слушаешь то, что относится къ спасенію твоей души? Для чего это, скажи мнѣ? И чѣмъ ты превозносишься? Богатствомъ? Шелковыми одеждами? А того не подумаешь, что онѣ—пряди червей и изобрѣтенія иноплеменниковъ; что ихъ употребляютъ и блудницы, и развратники, и расхитители гробницъ, и разбойники? Познай истинное богатство и оставь эту надменную и пустую гордость; размысли о тлѣнности своей природы. Ты земля и пыль, пепелъ и прахъ, дымъ и тѣнь, трава и цвѣтъ травный. И такую природою, скажи мнѣ, ты гордишься? Что можетъ быть смѣшнѣе этого? Но ты начальствуешь надъ многими людьми? А что пользы въ этомъ, когда ты, начальствуя надъ людьми, самъ нлѣнникъ и рабъ страстей? Какъ если бы кто-нибудь дома подвергался побоямъ и получалъ раны отъ рабовъ, а внѣ по выходѣ на площадь сталъ гордиться начальствомъ надъ другими, такъ и тебя бичуетъ тщеславіе, наноситъ тебѣ раны распутство, ты рабъ всѣхъ страстей, и ты гордишься, что начальствуешь надъ своими соплеменниками? О, если бы ты дѣйствительно начальствовалъ надъ ними, былъ равнымъ имъ по чести!

Изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго.

Собственность по христіанскому ученію.

(Противъ социалистовъ).

(Продолженіе).

Соображенія разума и жизненный опытъ противъ социалистовъ.

I.

Не нашедшее себѣ оправданія съ христіанской точки зрѣнія, ученіе социалистовъ о собственности не можетъ быть оправдано здравымъ разумомъ и жизненнымъ опытомъ.

У одного современнаго писателя нарисована картина, очень вѣрно отображающая тотъ строй, который водворился бы на землѣ, если бы суждено было осуществиться усиленнымъ стремленіямъ социалистовъ. Мысль проводится въ этомъ мѣстѣ слѣдующая: „Всего вдоволь наготовилъ на землѣ Отецъ Небесный для людей (также будетъ у людей и при социалистическомъ строѣ, говорятъ социалисты). Если бы люди пользовались этимъ добромъ разумно, побратски, то всѣмъ бы хватило, всѣ были бы довольны и счастливы. Но люди стали жить, какъ звѣри, каждый старается урвать себѣ часть побольше. Схватить поувѣсистѣе кусокъ и ѣсть съ жадностію сверхъ сытости, ѣсть и огрызается: нельзя ли отнять у другого еще частичку. И кто послабѣе, позубастѣе, тотъ хочетъ лопнуть отъ излишка, а кто послабѣе, да поустунчивѣе, тотъ съ голоду мретъ. Въ этой звѣрской борьбѣ за кусокъ хлѣба, Божіе добро гибнетъ безъ толку и безъ пользы; иной лучше ногой растопчетъ, чѣмъ съ другимъ подѣлится“¹⁾. Тоже самое будетъ и при томъ идеальномъ строѣ—социалистическомъ. Тогда также много будетъ людей—звѣрей. И звѣрская борьба не искоренится, ибо всегда найдутся недовольные. Можно даже сказать, что недовольныхъ тогда будетъ больше. Сейчасъ каждый знаетъ, что при существованіи власти, выше его стоящей, для каждаго человѣка есть извѣстное ограниченіе, тогда же дѣло будетъ иное. При народномъ правленіи будетъ счастливъ и доволенъ, именно, тотъ, который послабѣе, да позубастѣе.

II.

Посмотримъ, какъ же социалисты намѣрены раздѣлить все отнятое имущество и землю? Имущество, можетъ быть, они какънибудь и раздѣлятъ, хотя трудно повѣрить этому, но какъ быть напр., съ землей?

Они говорятъ, что каждый получить ея столько, сколько можетъ обработать, и только тотъ, который будетъ трудиться, будетъ и ѣсть. Пусть будетъ такъ. Но, забываютъ социалисты, что

1) Протоіерей А. Смирновъ „Христіанство и социализмъ“.

есть такія семьи, гдѣ въ домѣ одна работница—женщина—вдова, а у ней дѣтки малъ-мала меньше; или одинъ мужчина съ 5—6 человѣками дѣтей, неспособныхъ еще работать. Прокормить ли такой человѣкъ свою семью, имѣя заработокъ только на одного себя, т. е. столько, сколько можетъ обработать? Какъ, съ другой стороны, социалисты поступятъ при распредѣленіи работъ тамъ, гдѣ семья состоитъ, напр., изъ троихъ братьевъ, или отца и двухъ сыновей, способныхъ работать? Очевидно трое получатъ больше земли, такъ какъ больше могутъ обработать. А разъ больше будутъ обрабатывать, будутъ и жить въ довольствѣ, а одинъ, имѣющій 5 или 6 человѣкъ дѣтей, будетъ изовсѣхъ силъ трудиться на своемъ отведенномъ клочкѣ земли и будетъ бѣдствовать. Тоже и женщина. Какъ имъ быть? Батрака, т. е. рабочаго, нанять нельзя, ибо, по ученію социалистовъ, ихъ не должно быть. Надъ такими вопросами современные наши социалисты не задумываются и не отвѣчаютъ на нихъ. Они ждутъ того момента, когда удалось бы имъ захватить въ свои руки бразды правленія; тогда они все бы устроили и невозможное для другихъ, для нихъ бы сдѣлалось вполне возможнымъ. Сила и насилие все сдѣлаютъ. Если будетъ допущена какая и несправедливость, то ради большинства ничего не стоитъ пожертвовать интересами меньшинства: будутъ обижены десятки и сотни собственниковъ, за то спасены будутъ тысячи бѣдняковъ. Этотъ расчетъ можетъ быть допустимъ только социалистами. Это разсужденіе не Христа, а Его убійцы первосвященника Каиафы, точно также говорившаго: „лучше для насъ, чтобы одинъ Человѣкъ умеръ, нежели, чтобы весь народъ погибъ“.

Съ поразительной ясностію, этотъ самый вопросъ выдвинуть нашимъ великимъ писателемъ Достоевскимъ. Вспомнимъ у него сцену въ трактирѣ. Братья Иванъ и Алексѣй Карамазовы обсуждаютъ именно этотъ вопросъ. „Скажи мнѣ прямо, говоритъ Иванъ, представь, что ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлію въ концѣ концовъ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, миръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданіе, одного только ребенка и на неотмщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе; согласился бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ? Скажи, не лги!“—„Нѣтъ, не согласился бы“, тихо проговорилъ Алеша. „И можешь ли ты, продолжать Иванъ, допустить идею (мысль), что люди, для которыхъ ты спросишь, согласились бы сами принять свое счастье на неоправданной крови маленькаго—замученнаго, а принявъ, остаться навѣки счастливыми?“—„Нѣтъ, не могу допустить“, отвѣтилъ Алеша ¹⁾. Такъ отвѣтилъ бы и каждый хрістіанинъ современному социалисту. Для него чистая нелѣпость допустить, что путь къ счастью мо-

¹⁾ Достоевскій, т. 12.

жетъ идти черезъ преступленіе, насиліе или принужденіе. Хрістіанинъ знаетъ, что путь насилія и принужденія совсѣмъ ненадежный путь къ счастью. Гдѣ принужденіе, тамъ и озлобленная вражда и зависть, а гдѣ вражда, тамъ никогда не можетъ быть счастья.

Пока въ народѣ крѣпка вѣра въ Бога, онъ не повѣритъ никакимъ бреднямъ социалистовъ, хотя они всякими нечестными путями и обманомъ увлекаютъ простой народъ. Обманъ долженъ когда нибудь обнаружиться и горе тогда обманщикамъ! Идти противъ природы трудно. Питать народъ надеждами на земной раіи прилично только лишеннымъ ума. Земля никогда не будетъ раемъ. Мы можемъ, даже должны стараться внести въ земную жизнь болѣе любви, болѣе справедливости, болѣе мира и черезъ это болѣе счастья; но хотя бы мы работали надъ этимъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и поколѣній, хотя бы наши труды и увѣнчались успѣхомъ, мы можемъ только уменьшить бѣдствія человѣчества, а не уничтожимъ ихъ. Мы не освободимъ человѣчество отъ печалей и золъ, которыя съ нимъ связаны по природѣ. Мечты же социалистовъ это не болѣе, ни менѣе, какъ мыльный пузырь, который скоро исчезнетъ и отъ котораго даже пятна не останется.

Въ древности были горделивые мыслители, старавшіеся объяснить естественными причинами всѣ благопріятныя и неблагопріятныя перемѣны въ жизни человѣческой, конечно не съ такою ученою тонкостію, какъ нынѣшніе философы; но Господь отличалъ ихъ въ Своемъ откровеніи: „говорю безумствующимъ: не безумствуйте, и нечестивымъ: не возносите рога (не гордитесь); ибо не отъ востока, и не отъ запада, и не отъ пустыни,—возвышеніе“, прибавимъ,—и не отъ васъ, г.г. социалисты, но Господь есть судія—одного унижаетъ, а другого возвышаетъ“ (Пс. 74, 5—8). Приведенное мѣсто вполне относится и къ нашимъ строителямъ будущаго счастья—социалистамъ.

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАА.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

LXXIII.

Вскорѣ послѣ этого видѣнія, дарованнаго не заслугами моими, а неизрѣченной милостію Божіей, я получилъ, наконецъ, и свой отпускъ, съ которымъ и выѣхалъ къ батюшкѣ Амвросію въ Оптину Пустынь.

Батюшка меня встрѣтилъ съ радостной улыбкой словами:

— „Ну, что—пріѣхаль, отецъ Θεодосій!“

— „Пріѣхаль, мой батюшка“, сказалъ я ему, обливаясь слезами и бросившись къ ногамъ святаго старца.

— „Ну, не скорби—все къ лучшему Богъ устроить!“—сказалъ дорогой батюшка: „пей чай да иди къ отцу игумену Исаакію, скажи, что я тебя къ нему прислалъ“.

И, попивши чайку, отправился я къ отцу игумену и, когда намъ съ нимъ келейникъ подалъ, было, чай въ сосѣдней съ залой комнатѣ, я пить чая не сталъ и на вопросъ отца Исаакія:

— „Ну, что-жъ, не пьешь?“

Отвѣтилъ ему земнымъ поклономъ и сквозь слезы охватившаго меня волненія сказалъ:

— „Простите, батюшка: не чай я пришелъ пить, а просить у васъ милости принять меня въ число братства вѣрнной вамъ обители“.

Отецъ Исаакій быстро вскочилъ съ диванчика и, подымая меня за руку съ пола, ласково промолвилъ:

— „Что ты, что ты? плачешь о чемъ? Вѣдь, ты былъ у батюшки, отца Амвросія?“

— „Былъ“.

— „Что-жъ онъ тебѣ сказалъ?“

— „Да къ вамъ послалъ“.

— „Ну, хорошо: пей чай и ступай уже отъ моего имени къ батюшкѣ“.

Такъ я и сдѣлалъ. Когда я пришелъ къ старцу и объяснилъ ему, что присланъ къ нему отцомъ Исаакіемъ, батюшка отецъ Амвросій всталъ со своей кровати, надѣлъ на голову свою теплую камилавочку, взялъ меня подъ руку и, выйдя наружу, повелъ меня въ соборный корпусъ, гдѣ ежедневно совершается братское правило. Тамъ среди комнаты стоялъ небольшой сафьянный диванчикъ. Батюшка сѣлъ на него и началъ снимать съ ножекъ своихъ сапоги, и когда снялъ одинъ сапогъ, а я хотѣлъ, было, скинуть другой, то онъ удержалъ меня, сказавши:

— „Погоди немного!“—а самъ обратился къ иконѣ „Взысканіе погибшихъ“, передъ которой всегда горѣла день и ночь неугасимая лампада и съ лицомъ, исполненнымъ глубокаго и сосредоточеннаго молитвеннаго вниманія, долго и молча смотрѣлъ на нее умиленнымъ взглядомъ. Помолившись такъ тайной молитвой передъ иконой, батюшка обернулся ко мнѣ, положилъ на мое плечо свою ручку и сказалъ:

— „Слушай, отецъ Θεодосій, что я тебѣ скажу: съ того времени, какъ я поступилъ въ Скитъ, я никого лично не водворялъ на службу въ келью. Тебя перваго самъ привелъ и перваго водворилъ. Вотъ тебѣ келья вмѣсто Лебедянской въ саду: смотри-жъ, живи, спасайся, молись и за меня молись!“

Съ этими словами батюшка всталъ съ диванчика, благосло-

вилъ меня, надѣлъ сапогъ на ногу и пошелъ изъ кельи въ скитскій садъ, гдѣ его сразу обступила народная толпа, а я, проводивши его, вернулся въ соборный корпусъ въ отведенную мнѣ келью, гдѣ и прожилъ съ первыхъ чиселъ юня 1875 года по 20 декабря 1876 года, когда неожиданно указомъ изъ Калужской Консисторіи былъ вызванъ къ Архіепископу Григорію 2-му, которымъ и былъ назначенъ настоятелемъ въ Свято-Троицкій Лютиковъ монастырь. Настоятельствомъ я тамъ, управляя братіей, до 15-го марта 1894 года, и оттуда былъ водворенъ обратно въ Скитъ Оптиной пустыни, гдѣ и живу доселѣ, вотъ, уже до 15 апрѣля 1903 года, когда записываю сіе для памяти.

Всего было въ моей жизни много и было много мнѣ скорбей и разныхъ неприяностей и отъ Лебедянской братіи, и отъ начальниковъ, и отъ самого себя. За все—благодареніе Господу! Всѣмъ научалъ Онъ, Всеблагій, меня грѣшнаго и вель меня недоудомыми Своими путями къ познанію самого себя, училъ терпѣнію, указывалъ мнѣ мои немощи, таящіяся въ моемъ сердцѣ: страсти, о которыхъ я бы безъ испытаній и не зналъ, и во всемъ совершалъ Онъ, Неизслѣдимый и Премудрый, Свою святую волю, и да будетъ она благословенна отъ всѣхъ Имъ сотворенныхъ и и отъ меня, многогрѣшнаго, во вѣки. Буди! Буди! ¹⁾.

Молю Тебя, Преблагій, не поставь въ грѣхъ тѣмъ, кто гналъ меня и ненавидѣлъ, и не помяни въ день оный, но молитвами ихъ, по безднѣмъ благодатной благодати Твоей, за молитвы Преблагословенной и всѣхъ святыхъ, ради дражайшей, пролитой Тобою, Крови Твоей, спаси насъ всѣхъ, Господи! Озари сердца наши свѣтомъ Твоего богоразумія, да единымъ сердцемъ и устами вси въ признательности сердца воспоемъ Тебѣ вѣчное громгласное:

Аллилуія!

У васъ, у всѣхъ, отцы святые и братія, со слезами цѣлую руки и ноги ваши, прошу: простите и меня, аще словомъ, видомъ или дѣломъ когда-либо, какъ-либо оскорбилъ и опечалилъ или соблазнилъ. Простите, ради Распятаго на Крестѣ, мнѣ вся, яже содѣяхъ лютыхъ, и помолитесь за меня, а я всѣхъ и за все прощаю, какъ и всегда прощалъ, не давая солнцу закатиться во гнѣвъ моемъ. Многія скорби принялъ я и многимъ самъ досаждалъ, желая и умоляя Господа исправить обитель, въ которой

¹⁾ Все, что было мною здѣсь написано, не для того писано, чтобы кто подумалъ, что я не имѣлъ за собой никакихъ недостатковъ, нѣтъ, я былъ много немощнѣе другихъ и крайне малодушенъ въ часы скорбей моихъ, утѣшая себя одной надеждой на безцѣнность заслуги Сына Божія. Каялся я ежедневно, ежедневно клалъ и начало къ исправленію и... ежедневно видѣлъ крайнія свои немощи, о чемъ и плакалъ, боясь часа смертнаго и Страшнаго дня Суднаго. А писалъ я, единственно вспоминая изъ прошлаго какъ оно было на дѣлѣ, ничего не прибавляя и не убавляя.

я полагаю начало моей иноческой жизни, и тѣмъ возвеселить сердца, жаждущія славы Пресвятаго Имени Божія на землѣ, но зла никому не желать я и, видить Богъ, никому не мстилъ за обиды, мнѣ нанесенныя.

Молю и прошу всѣхъ отцовъ и братьевъ, родственниковъ моихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, если кто пожелаетъ поминать меня по смерти моей въ своей ли частной молитвѣ, или при Безкровной Жертвѣ, поминать и возлюбленныя моему сердцу имена великихъ и неизмѣнныхъ моихъ благодѣтелей—Луки Алексѣевича и супруги его Любви Степановны Ѳедотовыхъ и матери ея, Александры Петровны Антоновой—вмѣстѣ съ именами моихъ родителей—Аѳанасія и Агафіи. А кому это покажется затруднительнымъ, то пусть поминаетъ только ихъ, а имя мое пусть исключить изъ своей молитвенной памяти. *Это мое духовное завѣщаніе для всѣхъ любящихъ меня, и за послушаніе воздастъ Господь каждому по сердцу его.*

Богу нашему слава, Ему честь и держава всегда нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ.

Аминь.

Матерь Божія, спаси насъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОВИДЕЦЪ.

24-го Октября—день смерти извѣстнаго въ Вологдѣ юродиваго Петропавловскаго діакона.

Въ этотъ день почитатели собираются у его могилы за алтаремъ храма въ Успенскомъ женскомъ монастырѣ и творятъ молитвенную память о добромъ старцѣ. Среди нихъ тогда можно слышать много интересныхъ разговоровъ о Петропавловскомъ діаконѣ, о случаяхъ его прозорливости. Память знавшихъ юродиваго живо воспроизводитъ образъ его, слова, знаменательныя рѣчи.

Считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ рассказами о Петропавловскомъ діаконѣ нѣсколькихъ лицъ.

Священникъ о. Павелъ Ру—нъ сообщаетъ слѣдующее.

Родина моя—въ 12 верстахъ отъ г. Вологды. Родители мои часто ѣздили въ Вологду, гдѣ у насъ было много родныхъ, причемъ нерѣдко брали съ собою и меня. Неоднократно бывали такіе случаи. Ъдемъ мы съ матерью городомъ по Московской дорогѣ. Быстро подбѣгаетъ къ нашей повозкѣ о. Петропавловскій діаконъ и весело привѣтствуетъ мою родительницу:—„здравствуй, мати“.—Здравствуйте, о. діаконъ, отвѣчаетъ мать, затѣмъ обыкновенно вынимаетъ изъ кармана платокъ, въ которомъ завязаны деньги, беретъ нѣсколько монетокъ и подаетъ блаженному.

О. діаконъ всегда бралъ деньги отъ моей матери, тогда какъ

извѣстно, что отъ иныхъ онъ денегъ не принималъ. Подробностей разговора матери съ о. діаконѣмъ я уже не помню.

Отчетливо хранить память слѣдующій случай, оставившій сильное впечатлѣніе на мнѣ, тогда 9 лѣтнемъ мальчикѣ. Въ Январѣ 1867 года въ ярмарочное время мать моя пріѣхала въ Вологду на нѣсколько дней, съ собою взяла и меня. Остановливались мы на квартирѣ у дяди чиновника Ев. Ив. Р—на, у котораго жила наша старшая сестра, обучавшаяся тогда въ женской гимназіи. Въ началѣ сумерокъ моя мать съ толпою родственниковъ возвратилась изъ ярмарки. Разсматриваютъ покупки. Вдругъ вбѣгаетъ въ квартиру о. Петропавловскій діаконъ. Пробылъ онъ довольно долго, мать угощала его, кажется, чаемъ. О. діаконъ завелъ разговоръ между прочимъ объ отцѣ моей матери, бывшемъ тогда игуменѣ Глушицкаго монастыря—Сергіи, котораго о. діаконъ очень любилъ. Разговоръ этотъ о. діаконъ неожиданно кончилъ слѣдующими словами: „а вотъ 'что скажетъ Страстная недѣля“ и, повторивъ эти слова нѣсколько разъ, выбѣжалъ изъ квартиры. Не долго пришлось ждать разрѣшенія словъ прозорливца. Въ томъ же году, чуть ли не на второй день Св. Пасхи, родители мои получили письмо отъ казначея Глушицкаго монастыря съ извѣщеніемъ, что игуменъ Сергій, родитель моей матери, послѣ самой непродолжительной болѣзни, волею Божіею скончался *въ концѣ Страстной недѣли*. Въ крайнюю бездорожицу родители мои поѣхали на Глушину отдать послѣдній долгъ почившему. Надо сказать, что въ то время, когда Петропавловскій о. діаконъ велъ разговоръ о моемъ дѣдѣ, относительно здоровья послѣдняго не могло быть и рѣчи. Дѣдъ мой отличался богатырскимъ тѣлосложеніемъ. Но у него на одной ногѣ уже издавна открылась рана, которая не залечивалась въ теченіе очень многихъ лѣтъ. Врачи находили, что рану и не слѣдуетъ залечивать, такъ какъ чрезъ нее очищается весь организмъ. Но вотъ въ монастырь къ дѣду на исправленіе послали какого-то причетника—мастера составлять снадобья для излеченія болѣзней. Дѣдъ, поразказамъ братіи монастыря, довѣрился причетнику, сталъ принимать снадобья: рана стала быстро заживать, но результатомъ была болѣзнь всего организма и смерть дѣда.

Мать моя питала особенное почтеніе къ о. діакону и долю этого почитанія она вложила и въ меня. Впослѣдствіи, учась уже въ семинаріи, при встрѣчѣ съ о. діаконѣмъ я всегда снималъ фуражку и отдавалъ ему поклонъ, на что и онъ всегда же отвѣчалъ привѣтствіемъ. Разъ насъ семинаристовъ шла толпа. Видимъ, что издали идетъ къ намъ навстрѣчу о. діаконъ. Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, ради краснаго словца, пошутили на счетъ о. діакона. Онъ какъ будто узналъ объ этомъ. Не дойдя до насъ нѣсколькихъ шаговъ, онъ съ явнымъ нежеланіемъ встрѣтиться съ нами, свернулъ съ мостковъ на дорогу. Вообще замѣ-

чалось, что отецъ діаконъ отворачивается на пути отъ людей, имѣющихъ противъ него предубѣжденіе.

Вологодскій мѣщанинъ Н. О. Рѣ—новъ рассказываетъ нѣсколько случаевъ прозорливости старца.

1) Это было въ 1861 году. Я жилъ тогда прикащикомъ у Ив. Андр. Буренина въ лавкѣ, въ мясномъ ряду. У Юліи Ив. Пушкаревой сидѣла въ гостяхъ моя хозяйка Марія Ив—а. О. діаконъ пришелъ къ Пушкаревой и, указывая на Буренину, сказалъ: „чья это у васъ вдова то сидитъ за столомъ?“ Юлія Пушкарева ему отвѣчаетъ: „это не вдова, а мужья жена“.

— Я ошибся, сказалъ о. діаконъ.

Вскорѣ И. А. Буренинъ, мужъ М. Ив-ы, дотолѣ здоровый, заболѣлъ и умеръ. Марія Ив—на овдовѣла.

2) Какъ-то разъ сижу я за столомъ и пью чай. Приходитъ о. діаконъ и садится къ другому столу. Я сталъ угощать его чаемъ. Молча мы пили чай. Между тѣмъ я той порой задумался объ одномъ подвижникѣ, описаніе подвиговъ котораго произвело на меня сильное впечатлѣніе, какъ онъ жилъ, Богу угождалъ, сколько трудовъ несъ ради спасенія. А я то, грѣшный, что? Надо такъ бы жить.

На мои тайныя мысли о. діаконъ отвѣчаетъ:—„высоко задумалъ, и пониже, не хуже“.

3) Когда я поимѣлъ намѣреніе ѣхать въ Соловецкій монастырь поклониться угодникамъ—преподобнымъ Зосимѣ и Саввату, о. діаконъ оставилъ у себя дома за хозяина, прося его провѣдывать мою жену и дочь.

О. діаконъ ходилъ къ намъ безъ меня каждый день и ночевалъ въ моемъ домѣ. До Соловецкой обители я доѣхалъ благополучно. Былъ девятый день моего пребыванія въ монастырѣ. Вечеромъ этого дня я обратился тамъ къ старцу высокой жизни о. Даниилу съ вопросомъ: „старецъ Божій, скажи мнѣ пожалуйста, каково у меня дома живутъ?“ О. Даниилъ мнѣ отвѣчаетъ на это:—„у тебя дома Ангелъ управляетъ“ и вдругъ запѣлъ тропарь св. Пасхи; три раза пропѣлъ онъ *Христосъ воскресъ* на закатѣ солнца.

Въ тотъ же день и въ тѣ самые часы на закатѣ солнца о. діаконъ находился въ моемъ вологодскомъ домѣ и, обращаясь къ мсей женѣ, говоритъ: „смотри, мати,—въ солнцѣ то что дѣлается“, а самъ рукою показываетъ на заходящее солнышко. Жена посмотрѣла и ничего въ немъ особеннаго не примѣтила.

— Я ничего не вижу, о. діаконъ, сказала она.

А тотъ говоритъ ей: „радость въ солнцѣ-то“ и запѣлъ *Христосъ воскресъ*; трижды пропѣлъ онъ радостную пѣснь въ одини и тѣ же часы съ подвижникомъ Соловецкимъ о. Данииломъ.

4) Черезъ нѣсколько времени, послѣ этого о. Петропавловскій діаконъ сталъ настойчиво требовать отъ жены моей: „топи, мати,

сейчасъ баню, скоро гости будутъ“. Я не извѣщалъ жену о времени своего прїѣзда. Повинуясь приказанію юродиваго, жена заставила прислугу истопить баню. И что же? Я неожиданно, для семьи прїѣхалъ домой съ пароходской пристани и вмѣстѣ съ двумя гостями—петербургскими купцами.

5) Помнится, въ 1874 г. приходитъ о. Петропавловскій діаконъ въ верхнюю квартиру моего дома къ постояльцу Е. В. К—ну и говоритъ ему: „здравствуйте, чей у васъ въ углу-то покойникъ?“ Е. В.—чѣ отвѣчаетъ гостю: „нѣтъ покойника, что ты о. діаконъ“.

— А, опознался, говоритъ старецъ.

Прошло послѣ этого нѣсколько времени. Прїѣзжаетъ въ гости къ К—ну его замужняя дочь, заболѣваетъ и умираетъ въ квартирѣ родителей.

6) Жена моя ходила за покупками въ рынокъ. Тамъ у нея вынули изъ кармана кошелекъ, въ которомъ находась трехрублевая бумажка. Печальная является она домой. Въ это время идетъ мимо моей лавки по мосткамъ о. діаконъ. Жена увидала чтимаго діакона и пригласила его къ себѣ: отецъ діаконъ, зайди къ намъ.

— Что, мати, ты сегодня богата стала, чѣмъ дѣлишь: бумажками или серебромъ? Ну, мати, большая твоя милостыня, отвѣтилъ о. діаконъ.

Такимъ образомъ онъ узналъ о пропажѣ и утѣшилъ скорбящую, что потерянное въ милостыню вмѣнится.

7) Какъ то о. діаконъ приходитъ и залѣзаетъ на печку погрѣться. Возвращается изъ рынку моя жена и подаетъ дорогому гостю булку, прося съѣсть ее.

Онъ сначала взялъ булку въ руки, а потомъ бросилъ ее и сказалъ женѣ: „ты подаешь мнѣ булку, а за рѣкой церковь горитъ“.

Забили набатъ. Загорѣлась церковь Вознесенья Господня. Былъ тогда большой пожаръ.

8) Вмѣстѣ съ женой мы ходили на богомолье въ Заоникіевскій монастырь. Съ нами былъ тамъ и о. діаконъ. Стояли мы въ храмѣ вечерню. Во время службы поднялась гроза—гремѣлъ громъ, сверкала молнія. Послѣ вечерни мы вышли изъ храма вмѣстѣ съ о. діакономъ. И говоритъ ему жена: о. діаконъ, какая сильная гроза и громъ; а тотъ отвѣчаетъ: „да, мати, въ кабакѣ-то кровью вѣнчаются“. Потомъ узнали, что въ кабакѣ двоихъ убило молніею во время этой грозы.

9) Поссорившись съ мужемъ, К—на Иг—а задумала идти въ монастырь и, встрѣтившись съ о. діакономъ, повѣдала ему о своемъ намѣреніи.—„Мати, мати, отвѣтилъ ей юродивый на ея сообщеніе, поѣдешь въ Горницы (монастырь Новгор. губ.) хлѣбать ториды (подсѣвъ), а тамъ 700 сестеръ и всѣмъ надо кориться, лучше поному мужу покориться“. Женщина исполнила совѣтъ старца.

А—на Аг—ва рассказываетъ такой случай изъ жизни Петропавловскаго діакона.

Однажды говоронкія дѣвицы гурьбой шли въ городъ работать въ огородахъ. Встрѣчается имъ отецъ діаконъ и здоровается, затѣмъ подходитъ къ одной изъ дѣвицъ, вынимаетъ изъ кармана халата просфору и, подавая ей, говоритъ: „на, выпей, да и закуси“.

Вечеромъ привезли въ домъ ея брата, сгорѣвшаго съ вина, ротъ у него былъ заткнутъ сѣномъ.

Н. С.

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Торжество въ Вологдѣ.

(Окончаніе).

Позднюю литургію совершилъ преосвященнѣйшій Епископъ Никонъ. Онъ встрѣченъ былъ у входныхъ дверей цѣлымъ сонмомъ священниковъ—(27) представителей вологодскаго градскаго духовенства и выборщиковъ-протоіереевъ и іереевъ, съѣхавшихся къ всеградскому торжеству со всѣхъ концовъ епархіи. Въ сослуженіи съ ними Владыка совершилъ литургію, во время которой храмъ былъ полонъ богомольцевъ. Прекрасно пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Присутствовавшіе въ храмѣ получили назиданіе отъ протоіерея собора о. Василія Карпова, произнесшаго вмѣсто частнаго стиха приличное случаю слово.

Въ концѣ обѣдни предъ солею была поставлена хоругвь—знамя мѣстнаго отдѣла Союза Русскаго народа. Хоругвь большихъ размѣровъ, изъ синяго бархата съ золотымъ нитьемъ и изображеніемъ на одной сторонѣ Спасителя—копией съ вологодскаго чудотворнаго образа Всемиловитаго Спаса, а на другой—(еще неготовой) св. великомуч. побѣд. Георгія. Изъ алтаря вышелъ преосвященный и сказалъ рѣчь, оставившую сильное впечатлѣніе на слушателей ⁵⁾, а затѣмъ владыка, окруженный множествомъ священно-служителей, число которыхъ доходило до 60 человекъ—ранѣе небывалое явленіе въ Вологдѣ—совершилъ торжественный молебенъ Спасителю и Божіей Матери, съ присоединеніемъ моленій изъ чина освященія воинскаго знамени, измѣненныхъ примѣнительно къ мирному времени. Молебенъ подходилъ концу. Знамя медленно было наклонено. Преосвященный съ силою въ голосѣ трижды произнесъ: „Благословляется и освящается знаменіе сіе въ крѣпость, огражденіе и мирное утвержденіе хрїстоименитымъ людямъ—окропленіемъ воды сея священныя во имя Отца и Сына и св. Духа. Аминь“; причемъ троекратно крестообразно окропилъ хоругвь св. водою. Знамя, при одномъ взглядѣ на которое такъ и забилося русское сердце, полное чувствъ любви къ св. Церкви и родинѣ, при видѣ котораго

1) Рѣчь напечатана въ Церк. Словѣ № 55.

является искреннее желаніе навѣки сохранить въ своемъ сердцѣ вѣрность завѣтнымъ святынямъ—прав. Вѣрѣ, Самодержавному Царю и Русской народности и готовность подъ этимъ знаменемъ идти даже на смерть за дорогія святыни,—было вынесено изъ собора. Тамъ стояла многочисленнѣйшая толпа народа, ожидавшая появленія знамени. Головы всѣхъ обнажились. Музыка заиграла гимнъ: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ...* Думаемъ, что только сердца людей, въ которыхъ патріотизмъ вытравленъ послѣднею смутою, остались безчувственными предъ открывшейся величественной картиной при звукахъ народнаго гимна. Сердца людей, находившихся въ этой громадной толпѣ, слились въ общемъ чувствѣ любви и преданности Царю и Россіи Русской. При колокольномъ звонѣ крестный ходъ съ хоругвями, между которыми вновь освященное знамя особенно выдѣлялось, со св. иконами, направился въ каѳедральный соборъ. Народъ положительно запрудилъ улицы, ведущія къ собору. Порядокъ былъ полный. Оркестръ все время исполнялъ народные гимны. По прибытіи крестнаго хода въ каѳедральный Воскресенскій соборъ знамя было водружено вблизи амвона противъ иконы Спасителя. Народъ оставался на обширной площади предъ соборомъ. Вдругъ толпа заволновалась. Она увидѣла своего Царя—батюшку. Изъ соборнаго притвора вынесли большой портретъ Государя Императора, изображеннаго во весь ростъ. Звуки народнаго гимна: *Боже Царя храни*—дополнили впечатлѣніе. То былъ чудный моментъ. Спросите о немъ у истинно—русскихъ людей. Онъ останется навсегда въ ихъ памяти.

Шествіе съ большою иконою Великомученика Георгія, въ преднесеніи царскаго портрета, направилось чрезъ новый мостъ на Архангельскую улицу въ домъ Братства во имя Всемиловаго Спаса. Толпѣ розданы были листочки на память о великомъ торжествѣ вологодскаго патріотизма. Только часть народа могла войти въ залъ Братскаго дома и выслушать тамъ полную глубокаго чувства выраженія преданности роднымъ святынямъ русскаго народа рѣчи патріотовъ—ораторовъ.

Въ день всеградскаго праздника для выборщиковъ, съѣхавшихся въ Вологду на выборы членовъ Государственной Думы, гостеприимнымъ о. архимандритомъ Свято-Духова монастыря Антоніемъ былъ устроенъ обѣдъ въ его покояхъ, а вечеромъ предѣлательницей мѣстнаго отдѣла Союза Русскаго народа—ужинъ, который почтили своимъ присутствіемъ преосвященный, г. Начальникъ губерніи и Вице-Губернаторъ.

19-го Октября—день выборовъ въ Государственную Думу. Къ 10^{1/2} часамъ утра большинство выборщиковъ собралось въ Каѳедральный Соборъ, чтобы помолиться Господу Богу предъ началомъ важнаго дѣла, подлежащаго имъ. Молебенъ совершенъ былъ преосвященнѣйшимъ Нікономъ въ сослуженіи выборщиковъ—протоіереевъ и іереевъ, а предварительно сказано имъ было слѣдующее слово.

„Одинъ благочестивый изслѣдователь законовъ природы, въ благоговѣніи предъ величіемъ Творческой премудрости, не иначе

произносилъ имя Божіе, какъ стоя, и притомъ снявъ съ себя головной уборъ.

„Братья возлюбленные! У Русскаго народа есть заветныя святыни сердца, предъ которыми онъ также склоняется въ благоговѣннн и за которыя готовъ душу свою положить: эти святыни начертаны на его добромъ сердцѣ. Нужно ли называть ихъ? Это святая вѣра православная, Царская власть самодержавная и тѣ заветы родной исторіи, которые воспитали народность русскую. И вотъ, въ послѣдніе три года эти святыни оказались выброшенными на улицу, ихъ попираютъ разныя инородцы, надъ ними издѣваются свои же русскіе измѣнники.... Изболѣлось русское сердце, изстрадалась русская душа, стономъ стонетъ Русская земля, опозоренная, вся залитая кровью вѣрныхъ сыновъ своихъ.... И какую же болью отзываются всѣ эти стоны въ любящемъ сердцѣ нашего Страдальца-Государя?

„Два раза уже созывалъ Онъ Свою Царскую Думу, чтобы прекратить смуту, но—увы—и въ Думу проникали тѣ же враги родной земли, тѣ же измѣнники, причемъ въ послѣдней Думѣ даже свилъ себѣ гнѣздо адскій замыселъ цареубійства!

„Наконецъ, Государь благоволилъ исправить выборный законъ и вы являетесь избранными уже по новому закону отъ нашей обширной вологодской области для избранія членовъ Думы.

„Умоляю же васъ именемъ матери-родины, заклинаю именемъ Божиимъ: станьте въ своей совѣсти съ благоговѣніемъ предъ заветными святынями нашего русскаго сердца, отбросьте въ сторону, если есть у васъ какіе либо личные счеты, и выберите лучшихъ, достойнѣйшихъ изъ васъ на святое дѣло служенія родной земли у престола Царскаго!

„Всякое дѣло хрістіанинъ начинаетъ съ молитвы. Помолимся же Господу, чтобы Онъ помогъ вамъ въ нашемъ святомъ дѣлѣ избранія достойныхъ людей во славу Божию, на пользу Церкви и отечеству, и на радость Царю Стратотерцу. Аминь.“

По окончаніи молебна и многолѣтія Государю, всѣ выборщики подходили къ св. Кресту и были окроплены св. водою.

Выборы происходили въ зданіи Дворянскаго Собранія. Вечеромъ сдѣлались извѣстными въ городѣ результаты выборовъ. Избранными оказались—два протоіерея, миссіонеръ, предсѣдатель съѣзда земскихъ начальниковъ и православный крестьянинъ— всѣ лица преданныя Церкви и Царю. Господь услышалъ молитвы рабовъ Своихъ. Вологодская область посылаетъ въ 3-ю Думу уже не кое-какихъ людей, но лицъ вѣрующихъ въ Бога, съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, любящихъ своего Царя-Самодержца и свой народъ Русскій, о которомъ они постараются, чтобы не попалъ онъ въ порабощеніе къ евреямъ и инопорочамъ, получившимъ добрый пріютъ въ Русской землѣ, но готовымъ отплатить за него черною неблагодарностью.